

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

Поэтика и функции сновидений в лирике М. Волошина

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 4 курса 412 группы
направления 45.03.01 – Филология
Института филологии и журналистики

Юдиной Пелагеи Александровны

Научный руководитель

профессор, д.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

И.Ю. Иванюшина

инициалы, фамилия

Зав. кафедрой

зав. кафедрой, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Ю.Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов 2020 год

ВВЕДЕНИЕ

В противоречивой и деятельной личности М. Волошина нашла отражение эпоха бурных преобразований, наступившая в России и мире на рубеже XIX-XX вв., когда новые течения в искусстве, литературе и философии охватили умы современников. В частности, интерес привлекла человеческая психика, область подсознательного и бессознательного.

М. Волошин на протяжении всего творческого пути обращался к мотиву сна, использовал его в качестве инструмента анализа творческого процесса и повседневной действительности. О себе М. Волошин говорил, как о путнике, идущем по дороге жизни в бреду и во сне, называл себя толкователем чужих снов¹.

В своей работе мы опирались на теоретическое осмысление сновидений в исследованиях О. Акатовой, К. Байрамовой, А. Вергежского, О. Дедюхиной, Г. Закроевой, Ю. Ершенко, О. Сергеева, на их интерпретацию функций сна в художественных произведениях М. Булгакова, А. Блока, Ф. Сологуба, И. Тургенева, Б. Пастернака, А. Пушкина, В. Брюсова. Труды многих исследователей² посвящены изучению сновидческого мотива как теоретической проблемы и его эволюции.

Довольно масштабную научную базу представляют собой работы, предмет которых – различные аспекты творчества М. Волошина³.

¹ Пинаев С. М. Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 409.

² Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. М.: Гнозис, 1992. 272 с. ; Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. М.: Азбука, 2015. 416 с. ; Нагорная, Н.А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм: дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01 / Н.А. Нагорная. М., 2004. 414 с. ; Теперик, Т.Ф. Поэтика сновидения в античном эпосе: на материале поэм Гомера, Аполлония Родосского, Вергилия, Лукана: дис... докт. филол. наук : 10.01.01 / Т.Ф. Теперик. М., 2008. 356 с. ; Щавелев, С.П. Вечная тень реальности: очерк философской антропологии сновидений / С.П. Щавелев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 28. С. 92-99. ; Дынник, М.А. Сон, как литературный прием / М.А. Дынник // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов. В 2 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. С. 645-649.

³ Пинаев, С.М. «Близкий всем, всему чужой...» Максимилиан Волошин в историко-культурном контексте серебряного века / С.М. Пинаев. М.: Изд-во РУДН, 1990. 356 с. ; Пинаев, С.М. Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог / С.М. Пинаев. М.:

Исследований, в которых так или иначе присутствуют размышления о сновидческих мотивах в творчестве М. Волошина, немного⁴. В основном ученые обращаются к интерпретации статьи поэта «Театр как сновидение», редко акцентируя внимание на бытовании и развитии сновидческого мотива в поэзии М. Волошина.

Актуальность проводимого исследования обусловлена тем, что понимание сновидческого мотива в творчестве М. Волошина и тех функций, которыми он его наделял, представляется чрезвычайно важным для анализа поэтического мира и литературного наследия поэта в целом. Именно сон является нитью, пронизывающей и скрепляющей разнообразные увлечения поэта, его стилистические и тематические эксперименты в рамках единой литературной системы.

Материалом исследования послужило поэтическое наследие М. Волошина разных лет, в частности – стихотворения, в которых так или иначе фигурирует мотив сна.

Цель работы – проанализировать место и функции мотива «сна» в образной системе поэзии М. Волошина.

Молодая гвардия, 2005. 409 с. ; Нурмагомедова, Э.М. Семантико-стилистические особенности литературно-критического дискурса М.А. Волошина: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Э.М. Нурмагомедова. Махачкала, 2011. 172 с; Чагина, В.В. Исторический и психологический аспекты концепции России в поэзии Максимилиана Волошина: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / В.В. Чагина. Тверь, 2002. 187 с. ; Змазнева, О.А. Поэтический язык Максимилиана Волошина: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / О.А. Змазнева. М., 2003. 203 с. ; Заяц, С.М. Лик М. Волошина как слепок времени и пространства Серебряного века / С.М. Заяц // Вестник славянских культур. 2015. № 4(38). С. 38-48.

⁴ Пинаев, С.М. Театр-сновидение и «сны» истории в поэтическом мировосприятии М.А. Волошина / С.М. Пинаев // Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 64. Сведения доступны также по Интернет: <http://sites.utoronto.ca/tsq/64/Pinaev64.pdf> (дата обращения: 08.05.2020). Яз. рус. ; Борисова, Н.А. Феномен игры в творчестве Максимилиана Волошина: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Н.А. Борисова. Саранск, 2005. 163 с. ; Юрченко, Т.Г. О творчестве Максимилиана Волошина / Т.Г. Юрченко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: Реферативный журнал. 2019. № 2. С. 131-135. ; Сергеев О.В. Актуальные проблемы теории литературных сновидений, и методика их изучения на современном этапе. [Электронный ресурс] : [Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №2]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/ Sergeev.shtml> (дата обращения: 12.01.2020). Загл. с экрана. Яз. рус.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

1. определить причины творческого интереса М. Волошина к сновидческому мотиву;
2. провести функциональный анализ мотива сна в поэзии М. Волошина;
3. проследить эволюцию мотива сна в поэзии М. Волошина;
4. выделить этапы трансформации сновидческой поэтики и дать их содержательную характеристику.

Структура выпускной квалификационной работы. Работа состоит из введения, двух глав («Функциональный анализ сновидений в лирике М. Волошина» и «Эволюция мотива сна в лирике М. Волошина»), вторая из которых подразделяется на три параграфа, заключения, списка использованных источников, включающего 81 наименование.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава I. Функциональный анализ сновидений в лирике М. Волошина

В первой главе выделяются функции сна в стихотворениях М. Волошина. Поэт довольно рано обратился к феномену сновидения как средству выразительности, первый опыт художественного осмысления сна относится уже к 1896 году. Однако тогда поэта в большей степени интересовала физиологическая сторона сновидения, он лишь передает ощущения, которые испытывает во время ночного кошмара.

В атмосфере новых научных открытий и эзотерических исканий Серебряного века интерес М. Волошина к теме сновидения укрепился. Поэт активно начал развивать этот мотив в своем творчестве и открывать новые области его применения.

Проанализировав большой массив произведений М. Волошина, мы выделили следующие **функции сновидений**: мировоззренческая, психологическая, нравственная, утопическая, онтологическая, функция

откровения и памяти. Сон соотносится со смертью и другими пограничными состояниями.

Одной из самых частотных функций сна как художественного приема в лирике М. Волошина является *мировоззренческая*. Сон открывает истинные мировоззренческие ориентиры и жизненные установки человека. Человеческая жизнь и вся мировая история воспринимаются как вереница снов. Например, в стихотворении «В вагоне» (1901) противопоставлены мир мечты – «мир бездонный» – и мир реальный – «дом, работа». Еле уловимый, туманный мир грез – это одна реальность, мир человеческих страстей – совсем иная.

Сон может быть метафорой не только индивидуального сознания, но и сознания социальной или возрастной группы людей. Например, в стихотворении 1903 г.: «*Таинственный рой сновидений // Овеял расцвет наших дней. // Ребенок – непризнанный гений // Среди буднично-серых людей.*» (I, 46) Метафорой «таинственный рой сновидений» описывается сказочный, полный впечатлений детский мир. В этой чистоте восприятия гениальность ребенка, его способность услышать то, что хочет сказать ему мир. Можно сказать, что М. Волошин в этом стихотворении облачает в поэтическую форму евангельский завет. Иисус завещает людям «быть как дети», лирический герой М. Волошина выступает как своего рода пророк, следуя заветам Христа.

Следующая функция сна – *психологическая*. Обычно к этой категории исследователи относят сны, содержание которых раскрывает глубинные переживания лирического героя. Такую функцию можно обнаружить и в лирике М. Волошина, но в не совсем обычном виде. Здесь мы сталкиваемся с особой категорией сна – «сон души» или «сон в душе», который может скрывать под собой гармонию и покой: «*И сон в душе, как кот, свернулся...*» (I, 49)), и, напротив, неприкаянность и душевную пустоту: «*Печален сон души моей. // Она безрадостна, как Лета...*» (I, 68)). Таким

образом, сон способен передавать противоположные психологические состояния.

Еще одна функция сновидения – *нравственная*. Сон может выступать инструментом художественного осмысления морально-нравственных ориентиров, пронизывающих все аспекты человеческого бытия. Эту функцию выполняют, например, сны религиозного содержания. Таков сон в восьмом сонете «Лунарии» (1913): «Змеиные, непрожитые сны // Волнуют нас тоской глухой тревоги. // Словами Змия: «Станете как боги» // Сердца людей извечно прожжены» (I, 211). Стихотворение обращает нас к идее грехопадения. Вечное стремление человека к величию и всевластию навлекает на него великие муки, изгнание из рая и смерть. Желание поравняться с Богом будоражит человека, змий-искуситель проникает в его помыслы и сны, оставляя в итоге ни с чем. Сон открывает читателю, что есть христианская добродетель, а что грех.

Утопическая функция сна часто используется М. Волошиным в стихотворениях о России. Сон – бегство от реальности, которая уже вынесла свой суровый приговор. Например, в стихотворении «Родина» (1918) немощная, падшая Россия бредит в жарком сне, все еще надеясь на спасение своими сынами: «Еще томит, не покидая, // Сквозь жаркий бред и сон – твоя // Мечта в страданиях изжитая // И неосуществленная...» (I, 261).

Особая роль отводится в поэзии М. Волошина *онтологической* функции сна. Она позволяет автору в поэтической форме высказываться об основах бытия и его закономерностях. Например, в поэме «Россия» (1924) поэт размышляет о переплетении прошлого и настоящего в истории страны: «Грядущее – извечный сон корней: // Во время революций водоверти // Со дна времен взмывают старый ил // И новизны рыгают стариною» (I, 377). Будущее, по М. Волошину, представляет собой не только и не столько новое, сколько постоянное напоминание о старом. Революция – периодически повторяющееся событие, вся история России – череда мятежей. «Сон

корней» – человеческое бытие, повторение единого сценария – воспроизведение одного и того же сна, в случае России – кошмара.

Функция памяти, которую в стихотворениях М. Волошина может выполнять сон, схожа с онтологической, но здесь сон становится инструментом рефлексии лирического героя. Герой сам нащупывает связи настоящего и прошлого. В стихотворении «Сон в Шули» (1899) сновидение героя-путника открывает ему тайны прошлого: «Видения к путнику сходят сквозь тьму, // Уйдут, возвращаются снова; // И вьются и шепчут, и снятся ему // Далекие тени былого» (II, 511). На героя возложена особая миссия: его предназначение – понять, почему обстоятельства сложились именно таким образом, как это связано с настоящим, как не допустить подобного в будущем.

Наряду с перечисленными функциями сна в творчестве поэта выделяется специфическая, характерная именно для волошинской лирики. Мы называем ее **синтезирующей**, или **интеграционной**. Например, в стихотворении «Созвездия» (1908) предстает гармоничная картина ночного пейзажа, наполненная не только зрительными, но и слуховыми образами. Мотив сна в стихотворении создает ощущение единства всего сущего, природа очеловечивается: «И чуток сон в водах Архипелага, // Где в море снят созвездья островов.» (I, 51)

Сон в лирике М. Волошина полифункционален. Наряду с традиционными функциями – психологической, мировоззренческой, утопической, онтологической, он способен выполнять интеграционную или синтезирующую функции, функцию памяти и откровения, позволяя поэту высказаться по самым главным проблемам человеческого бытия.

ГЛАВА II. Эволюция мотива сна в поэзии М. Волошина

В первом параграфе второй главы «**Антропософия М. Волошина в стихотворении “Сон”**» анализируется знаковое в поэтическом наследии М. Волошина произведение 1919 года. В нем поэт представил целостную онтологическую картину мира, построенную на основе образа сна.

Основная идея стихотворения заключается в репрезентации бытия через противопоставление мира яви миру грез. Сном, то есть состоянием, при котором человек пребывает в мире иллюзий, поэт считает рутинное существование, в то время как наполненная смыслом жизнь начинается лишь после того, как «мир скрывается багровой завесой век» (II, 660).

Механизм перехода из мира яви в мир грез, ощущения, которые в этот момент испытывает лирический герой, и символизм этого перехода роднят онейропoeзию М. Волошина с антропософией романа Андрея Белого «Петербург». Переход из мира чувственного в сверхчувственный у А. Белого происходит через пространство сна. При этом духовное очищение вносит равновесие и в обыденную жизнь героев⁵.

Структура стихотворения «Сон» точно повторяет физиологические фазы сна. В момент *засыпания* привычный мир – пространство реальное – прекращает свое существование, освобождая лирического героя. Если в состоянии бодрствования он вынужден выгребать против течения, то, переходя в состояние сна, он уподобляется облаку, «влекомому плавной водовертью» (II, 660).

Далее наступает фаза *быстрого сна*, во время которой лирический герой наблюдает яркие картины иных миров. Разум переходит в активное состояние, жадно поглощая вселенские знания. Герой сосуществует в одном измерении с небесными светилами, сливается с созвездиями: «вижу себя клубком зверей, грызущих и ласкающихся» (II, 661).

Состояние, близкое к смерти, человек переживает в фазе *глубокого сна*. М. Волошин вводит лирического героя в околосмертное состояние, для описания которого поэт обращается к античным образам: «Огромный, бархатистый и черный Змей // Плавает в озерах Преисподней...» (II, 661)). Тихо сходя в царство Аида, герой перестает видеть чудные образы и ощущает на себе холодное дыхание смерти. Через противостояние космоса и

⁵ Шахматова Е.В. Практики внетелесного существования сознания в романе Андрея Белого «Петербург» // Общество: философия, история, культура. 2014. № 2. С. 15.

хаоса, в результате которого одно уравнивает другое, наступает полное успокоение, рождается ощущение гармонии: «Душа сосет от млечной, звездной влаги» (II, 662)).

Духовное равновесие сна разрушает незримо подкравшийся рассвет. Пространство реальности проявляется постепенно, мучительно, герой видит его отдельными фрагментами. Примитивный, строго очерченный мир противопоставляется гармоничному в своем многообразии пространству сновидения.

Если во сне доминирует мотив единства всего сущего и мотив откровения, то явь или *состояние бодрствования* чаще всего характеризуется мотивами спешки, бессмысленности, ограниченности и несвободы: «И начинается вседневный бег // По узким коридорам // Без окон, без дверей...» (II, 662).

Нервозное состояния автора выражается в визуальном и фонетическом облике стихотворения. Оно упорядочено только ритмически, в нем нет рифмы и деления на строфы, повествование стремительно и обрывисто, что больше всего напоминает пересказ сна пробудившимся человеком.

При переходе от одного состояния к другому меняется звучание стихотворения и его образная система. Реальность предстает невыносимо примитивной. В ней нет места ни звездам, ни мифам, ни покою, ни гармонии. Миру реальному противопоставляется сновидение – мир грез, единения всего сущего, свободы разума, который становится спасением от безумия и отчаяния.

Второй параграф второй главы **«Онтологический кошмар русской революции в поэме “Россия”»** посвящен анализу произведения, главным героем которого выступает сама Россия, помещенная поэтом в пространства сна.

Если в соответствии с выведенной в стихотворении «Сон» антропософической формулой М. Волошин проводил четкую грань между

явью и сном, то в поэме «Россия» мы видим, что этого разделения больше нет. Сон и явь слились в единое пространство кошмара.

К моменту создания поэмы в 1924 году основные события гражданской войны были закончены, и М. Волошин изображает ее последствия. Характерный для отечественной литературной традиции образ Русиматушки, символизирующий божественное начало жизни, в поэме подвергается глубокой деконструкции. У М. Волошина Россия предстает в образе агонизирующего больного.

История – это повторение одного и того же сна, а в случае с Россией – кошмара. От одной эпохи к другой, от бунта к бунту, от царя к царю Россия вынуждена переживать одни и те же навязчивые видения, который приумножает ее страдания.

Благодаря широкому использованию метафор, эпитетов и лексики с семантикой смерти автор создает образ воплотившегося кошмара, внушающего гиперболизированный, иррациональный страх («багровый, как гнойник, // Горячечный и триумфальный город, // Построенный на трупах, на костях...» (I, 368); «С дворцами цвета пламени и мяса» (I, 368)).

Исторические факты и события перемешиваются с видами русской архитектурой и пейзажами, образуя единое босхианское полотно. Грубые телесные образы сгущают мрачную атмосферу поэмы, состояние лирического героя граничит с безумием, его мысли охвачены хаосом бойни («в мясе высекал» (I, 373); «Кромсал ножом и шваркал лоскуты» (I, 373)).

М. Волошин понимает весь разрушительный потенциал революции, а потому он больше не ощущает себя в безопасности даже в пространстве сна. Поэт, как и многие его современники, не видит возможности спасения, а потому все что у него остается – это чувство вины и вера.

Третий параграф второй главы **«Выход из кошмара через сновидческое откровение»** посвящен анализу стихотворения «Сказание об иноке Елифании».

Соприкосновение с историей в пространстве российского онтологического кошмара подтолкнуло М. Волошина к размышлениям об истории человеческой цивилизации. Поэт использовал весь накопленный жизненный, поэтический и художественный опыт, чтобы определить, в какой момент истории случился надлом, сбивший человека с истинно верного пути.

Сюжету о Епифании Соловецком, протопопе Аввакуме, дьяконе Фёдоре и священнике Лазаре М. Волошин приписывает родство с сюжетом российской революции 1917 г.

Епифаний становится жертвой, на помощь которой, в условиях безмолвия окружающих и всемогущества мучителей приходит сама Богородица. Земные и бесовские силы объединяются, чтобы извести героя, и его последней заступницей становится Чистейшая из Дев.

Общение между Епифанием и Богородицей на протяжении большей части сюжета происходит в пространстве сна. Пресвятая Дева оберегает жильё отшельника Епифания от пожара, а после является ему во снах, чтобы придать сил в борьбе с посылаемыми на него Дьяволом бесами и ползучими гадами: «Тут сон нашёл // С печали той великия, и вижу, // Что Богородица из образа склонилась, // Руками беса мучает, измяла // Злодея моего и мне дала» (II, 92).

Богородица навещает Епифания и после того, как в наказание за распространение антиреформистских текстов ему отрезают пальцы. Небесная Мать унимает его телесные и душевные муки и наполняет сердце радостью: «И пальцев нет, и боли нет, а в сердце радость...» (II, 95).

Наиболее важная встреча между Епифанием и Богородицей происходит после того, как Соловецкому мученику отрезают язык. Богородица не возвращает герою его телесный орган, однако наделяет его гораздо более ценным даром – языком божественного общения: «И есть язык, мне Богом данный, – новый – // Короче старого, да мало толще. // И ныне веселюсь, и славлю, и пою // Скорозаступнице, язык мне давшей новой» (II, 97).

Видя, что телесные пытки делают Епифания еще более крепким в вере, его мучители сжигают его на «очистительном» костре вместе с другими «вероотступниками». Однако и на этот раз им не удастся одержать верх. В финале стихотворения Богоматерь из пространства сна является в реальность, забирая Епифания в Царство Небесное. Земной ужас Епифания отступает под натиском небесных сил: «Поднялся в воздухе, и видели стрельцы // И люди пустозёрские, как инок Епифаний // Поднялся в пламени божественною силой // Вверх к небесам и стал невидим глазу» (II, 97).

Таким образом, в «Сказании об Иноке Епифании» М. Волошин приходит к выводу о том, что победа над рознью, войнами и лишениями, которые он в поэме «Россия» ассоциирует со страшным сном, возможна через обращение к божественному началу жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мотив сна встречается в поэзии М. Волошина в двух основных формах. Во-первых, автор использует его в качестве универсального художественного инструмента для работы с разнообразными темами и поэтическими формами. Во-вторых, в ряде знаковых произведений М. Волошина сон и сновидение выступают в качестве самостоятельных тем или систем образов, что позволяет говорить об особой сновидческой поэтике.

Проявление мотива сна можно наблюдать на лексическом уровне: слова-сигналы *сон, дрема, грёза, бред, безумие, мечта*; на уровне поэтики – разные способы нарушения формальной логики: поток сознания, оксюморонные сочетания, морбульные образы.

Функциональный анализ мотива сна в поэзии М. Волошина позволяет выделить следующие функции: мировоззренческую, онтологическую, психологическую, нравственную, утопическую, интеграционную, функцию памяти, функцию откровения истины.

Основные функции сновидческого мотива (мировоззренческая, онтологическая, утопическая, функция откровения истины) в поэзии М. Волошина направлены на осмысление, объяснение и интерпретацию

реальности. В мировоззрении автора, по его собственному признанию, жизнь является ничем иным, как осознанным сновидением.

Другая группа функций (психологическая, нравственная) используется поэтом для передачи интимных переживаний лирического героя и выведения нравственной оценки тех или иных событий. Эта группа функций позволяет ближе познакомиться с личностью М. Волошина, с его представлениями о добре и зле.

Отдельного рассмотрения заслуживает интеграционная или синтезирующая функция, которую можно рассматривать в качестве отличительной особенности поэзии М. Волошина. Ее суть заключается в том, что в пространстве сна поэт объединяет далекие друг от друга темы и образы, экспериментирует с формами, пространством и временем, создавая новые, смелые художественные картины.

Сновидческая поэтика М. Волошина неоднородна. Под влиянием внешних обстоятельств и в силу естественной эволюции мировоззренческих установок в творчестве автора возникают разные ее модификации.

Можно выделить три основных этапа развития сновидческой поэтики М. Волошина: антропософский, революционный и религиозный.

Антропософский период (конец 1890-х – конец 1910 гг.) характеризуется формированием сновидческой поэтики в творчестве М. Волошина. На этом этапе поэт от передачи физиологических ощущений приходит к представлению сна как особой духовной реальности, способствующей преобразению и моральному очищению личности. Поэт четко разграничивает состояние бодрствования и сна, признавая последнее истинной и наиболее гармоничной формой существования.

В *революционный период* (конец 1910-х – середина 1920-х гг.) основное внимание М. Волошина занимают события российской революции. Сновидение перестает быть ментальным убежищем, так как бытие и инобытие сливаются в единое пространство духовного упадка, разложения и безысходности.

С окончанием гражданской войны начинается третий, *религиозный этап* (середина 1920-х – 1930-е гг.) развития сновидческой поэтики. В этот период М. Волошин занят поиском духовных и моральных ориентиров. Стержнем для поэта становится православная вера. Как и средневековые авторы, он интерпретирует сон как пространство общения с Богом, где можно обрести защиту небесных покровителей от несправедливости и жестокости мирского бытия.

Изучение творческого наследия М. Волошина и его взглядов на феномен сновидения предоставляет богатейший материал для построения новых онейрических концепций. Не менее интересно открытое М. Волошиным сновидческое окно в кошмар российской революции, поскольку оно позволяет не утратить память о тяжелых для нашего государства временах.